

Анна Шилд
Ада Огнева

В плену имени
босса

18+

Ада Огнева
Анна Шилд
В плену имени босса

<https://litres.ru/74515549>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кристина Бестужева наконец вырвалась в отпуск: приказ подписан, билет в Ниццу куплен, осталось забрать забытый паспорт из архива холдинга. Но за бронированной дверью её встречает Матвей Грачёв — босс, привыкший превращать чужие планы в свои распоряжения. Он не позволит подчинённой исчезнуть, пока вокруг неё сгушается опасность. Между приказами, охраной и ледяными спорами вспыхивает притяжение, от которого не спрятаться даже за пределами офиса. Кристина ещё надеется отстоять свой отпуск. Только Матвей защищает её — или нашёл идеальный способ удержать рядом?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	51
Глава 7	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Анна Шилд

В плену имени босса

В плену имени босса

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Ноябрьский ледяной ливень вперемешку с колючим снегом хлестал в панорамные окна шестидесятого этажа «Грачев Плаза». Внизу, сквозь серую хмарь и рваные клочья тумана, Москва расплывалась миллионами дрожащих огней, похожих на тлеющие угли на мокром асфальте.

Кристина Бестужева торопливо шла по безлюдному коридору вип-крыла, стараясь ступать как можно тише. Узкие каблукки замшевых туфель едва слышно цокали по зеркальному графитовому керамограниту. Настенные панели работали на треть мощности, отбрасывая на матовые перегородки длинные, тревожные тени. На часах над стойкой секретариата светилось: двадцать два часа сорок пять минут.

Кристина поправила воротник шелковой блузки оттенка топленого молока. Пальцы слегка подрагивали от пьянящего предвкушения свободы. Три месяца непрерывного ада. Десятью дней бесконечных расчетов, закрытия квартального инвест-пула и изматывающей тирании главы холдинга. Матвей Грачев требовал от аналитиков фонда не просто точности — он выжимал из подчиненных душу, не признавая права на усталость или личные границы.

Но сегодня все закончилось. В сумочке лежал подписанный приказ об отпуске, в кабинете этажом ниже стоял собранный чемодан, а во внутреннем кармане шерстяного

пальто грел душу посадочный талон. Завтра ровно в девять пятнадцать утра рейс унесет ее в Ниццу — к ласковому солнцу, шуму прибоя и соленому ветру, где не будет ни гранитных небоскребов, ни прожигающего взгляда босса.

Оставалась мелочь. Вчера за полночь, сверяя проводки в архивном хранилище спецпроектов, Кристина убрала в индивидуальный сейф-бокс свой загранпаспорт — и в спешке забыла его забрать. Лететь в Шереметьево без документа было безумием.

Она подошла к бронированной двери с табличкой «Архив специальных фондов», приложила темно-синюю карту ведущего координатора. Сенсор тихо пискнул, крошечный диод вспыхнул сапфировым, и замок с мягким щелчком разомкнул стальные захваты.

Кристина скользнула внутрь, прикрыв за собой створку. В помещении царил густой сумрак, пахнувший типографской краской, бумагой и сухим озоном. Вдоль стен высились шкафы из легированной стали, а по центру тянулись рельсовые стеллажи с тысячами папок. В глубине, за стеклянной перегородкой, мерцали синие огоньки серверов.

Не зажигая верхний свет, чтобы не привлекать внимание дежурной охраны с внешнего периметра, Кристина включила фонарик айфона. Узкий луч заскользил по металлическим дверцам ячеек секции «Б-4».

— Так... тридцать первая, — прошептала она.

Крошечный ключ повернулся в скважине, дверца пода-

лась. На полке лежала темно-бордовая книжица с золотым гербом. Кристина провела пальцами по шершавой обложке, раскрыв на странице со свежей шенгенской визой. В груди разлилось тепло: еще немного, и эта стеклянная тюрьма останется позади.

Внезапно в коридоре за бронированной дверью вспыхнул ослепительный заливающий свет. Полоса под дверью озарилась белым, заставив Кристину замереть.

Тишину этажа разорвал звук шагов.

Тяжелые, размеренные, гулкие шаги мужчины, привыкшего попирать чужие судьбы. Каждый удар дорогого кожаного каблука о плитку отдавался в висках Кристины набатом. Этот шаг она знала наизусть: Матвей Грачев.

Кристина мгновенно погасила фонарик. Сердце испуганным воробьем заколотилось о ребра. Что он делает здесь в одиннадцать ночи?! По графику Грачев еще два часа назад должен был уехать на закрытый ужин за город. Если босс застанет ее в архиве спецфондов во внеурочный час, начнется форменный допрос: Грачев страдал маниакальной подозрительностью и никому не верил на слово.

Дверь приемной за общей стеной с грохотом распахнулась.

— Воронов, внутрь. Быстро! — низкий, рокочущий баритон Матвея ударил по нервам Кристины, заставив ее враспиной в металлический шкаф. — Запри задвижку на два оборота. Артем, стой на посту. Если хоть одна мышь шевель-

нется в коридоре — мордой в пол без разговоров. Никаких докладов, пока я не закончу.

— Понял, шеф, — глухо отозвался начальник охраны, и тяжелая дверь захлопнулась. Щелкнул массивный засов.

Кристина затаила дыхание. Сквозь вентиляционную решетку в архив хлынул резкий шлейф его присутствия: дорогой табак, терпкий кардамон, черный перец и морозный озон. Этот аромат всегда действовал на нее как электрический разряд, скручивая внутренности в тугий узел.

Сквозь матовое стекло кабинета вспыхнул свет люстры. Кристина различила силуэт Грачева. Рост под метр девяносто, косая сажень в плечах, темно-серый жилет из плотной шерсти. Матвей с глухим рычанием сорвал шелковый галстук, бросил его на диван и расстегнул верхние пуговицы белоснежной сорочки, обнажая мощную шею. Рядом суетился личный адвокат холдинга Игорь Воронов — сухопарый законник в очках, судорожно прижимавший к груди кожаный портфель.

— Матвей Андреевич, возьмите себя в руки, — торопливо заговорил Воронов, вытирая платком лоб. — Цюрихский курьер прилетел раньше графика. Мы перехватили оригиналы до того, как они легли на стол судьи.

— Выкладывай документы на стол. Живо! — приказал Грачев опасным баритоном.

Воронов дрожащими руками раскрыл замки портфеля и извлек на свет массивную черную кожаную папку с золотым тиснением герба холдинга. С глухим стуком папка легла на дубовую столешницу.

Кристина присела на корточки за стеллажом, прижимая загранпаспорт к груди. Каждое слово юриста и босса разносилось по пустому архиву с кристальной четкостью.

— Три независимые лаборатории в Берне и Базеле, — Воронов перевернул гербовый лист. — Расшифровка по двадцати четырем локусам. Совпадение — девяносто девять и восемь десятых процента. Ошибка полностью исключена.

Грачев стоял над столом, уперев тяжелые кулаки в дерево:

— Чья это кровь, Воронов? Отвечай мне в лицо!

Адвокат нервно сглотнул:

— Вадима Русанова, Матвей Андреевич. Почти девятнадцать лет назад... за девять месяцев до рождения девочки... ваша мачеха Инга Николаевна состояла в связи с Русановым. Андрей Николаевич ничего не знал и записал ребенка на себя. Полина... биологическая дочь Русанова. По крови она не ваша сестра.

Воздух в кабинете словно вымерз.

Матвей молчал целых десять секунд. Но это молчание было страшнее крика. Затем его правый кулак с сокрушительной силой обрушился на край стола.

Мореный дуб жалобно хрустнул. Бронзовая чернильница подпрыгнула, звякнув о хрусталь графина.

— Тварь... — прохрипел Грачев, и желваки на его темных щеках вздулись буграми. — Лживая дрянь... Она предала отца еще тогда. А Русанов выжидал почти восемнадцать лет! Копил яд, чтобы ударить сейчас!

Кристина в укрытии зажала рот обеими ладонями. В глазах потемнело от ужаса.

Полина! Хрупкая семнадцатилетняя девушка с серыми глазами и больным сердцем. Она так часто забегала к Кристине в отдел аналитики, пила чай с земляничным печеньем и показывала наброски платьев... Полина — дочь Вадима Русанова?! Главного теневого рейдера, заклятого врага семьи, человека, чьи методы напоминали кровавый беспредел де-

вяностей?!

— Самое страшное не в этом, — дрожащим голосом продолжил Воронов. — Завещание вашего отца составлено с жесткими ограничениями. Шестьдесят восемь процентов контрольного пакета акций холдинга и семейные трасты переданы вам в безусловное управление только до совершеннолетия Полины и при статусе ее опекуна. Если Русанов оспорит отцовство через суд сейчас, когда ей семнадцать, все обеспечительные счета холдинга будут арестованы. Сделка века на сорок миллиардов рублей рухнет. Кредиторы порвут империю за две недели. Но главное: Русанов заберет Полину по суду и увезет за границу. С ее пороком сердца девочка просто не переживет этих тяжб. Ее сердце откажет в первый же месяц!

— Заткнись! — рывкнул Грачев, схватив юриста за ворот сорочки. — Полина — моя сестра! Я держал ее на руках в роддоме! Я поклялся на могиле отца, что костыми лягу, но защищу ее! Мне плевать, чья кровь в ней течет! Я перегрызу глотку Русанову, но он не приблизится к девочке на пушечный выстрел!

Он оттолкнул трясущегося адвоката на диван:

— Ни одна живая душа не должна узнать об этих бумагах. Сотру в порошок любого, кто сунет нос. Завтра переведешь счета Полины в сингапурский траст. Папку оставь здесь. Я запру ее в подземном сейфе.

У Кристины кружилась голова. В висках стучала паниче-

ская мысль: уходить, немедленно уходить. Если Грачев узнает, что она слышала тайну, он уничтожит ее без колебаний.

Она начала осторожно подниматься, упираясь ладонью в стойку стеллажа. Ноги затекли. Кристина сделала шаг назад, собираясь отступить за серверные шкафы и переждать, пока они покинут этаж.

Но тонкий каблук модельной туфли предательски соскользнул на гладком стыке плит.

Теряя равновесие, Кристина взмахнула руками. Ее локоть с силой врезался в угол верхнего металлического яруса.

Тяжелая архивная папка-регистратор сорвалась с двухметровой высоты.

Грохот падения разорвал тишину архива подобно пушечному выстрелу. Металлические зажимы с лязгом лопнули, толстые стопки бумаги веером разлетелись по керамограниту, ударяясь о полые стальные стойки с оглушительным эхом.

В кабинете смолкли голоса. Кристина слышала теперь только дождь и собственное сердцебиение.

Кристина замерла, вжавшись в стеллаж, прижав руки к пылающим щекам. Воздух застрял в горле колючей пробкой.

— Матвей Андреевич... — послышался испуганный шепот Воронова. — Там... кто-то есть?

— Артем не докладывал, что на этаже есть посторонние, — произнес Грачев.

В его голосе звенела смертоносная, расчетливая сталь вышедшего на охоту зверя.

Скрипнуло отодвинутое кожаное кресло. Раздались неторопливые, тяжелые шаги, приближавшиеся прямо к двери архива.

Кристина судорожно огляделась. Бежать было некуда: архив представлял собой тупик.

Тень массивной фигуры заслонила свет на матовом стекле. Раздался резкий писк биометрического терминала. Электронный замок щелкнул.

Дверь архива распахнулась от мощного толчка, с глухим стуком ударившись об ограничитель.

В проеме в ярком свете люстры вырос Матвей Грачев. Рукава сорочки были закатаны, обнажая мощные предплечья с вздувшимися венами, а серые глаза цвета сырой стали горели опасным, первобытным огнем.

Глава 2

Матвей переступил порог архива бесшумно, словно крупный хищник на охоте. Его сканирующий взгляд мгновенно рассек сумрак, выхватил рассыпанные по полу листы отчетов и остановился на замершей между стеллажами фигуре.

Кристина стояла, вжавшись лопатками в металлические ребра шкафа, судорожно сжимая сумочку и паспорт. Янтарные глаза были расширены от ужаса, зрачки затопили почти всю радужку, а на бледных щеках горел лихорадочный румянец.

— Надо же... — протянул Грачев с вкрадчивой мягкостью, от которой по коже пробежал ледяной мороз. — Какая неожиданная встреча.

Он сделал два стремительных шага. Дистанция схлопнулась в долю секунды. Прежде чем Кристина успела вскрикнуть, его правая рука с черной платиновой запонкой на манжете метнулась вперед. Железные пальцы Матвея сомкнулись на ее тонком левом запястье, как стальной кованый капкан.

— Ай! Пустите! — вырвалось у нее сдавленным стоном. Хватка была настолько мощной, что пульс отозвался болью в пальцах.

— На выход, — отчеканил он.

Одним сокрушительным рывком Грачев выдернул ее из

прохода, оторвав туфли от пола, и выволок на середину залитого светом кабинета.

Адвокат Воронов побледнел как полотно и судорожно накрыл черную папку обеими руками:

— Господи... Бестужева? Что вы здесь делали?!

Матвей не взглянул на юриста. Он рывком развернул Кристину к себе, не ослабляя стальной хватки. От него веяло сухим жаром, табаком, кардамоном и коньяком.

— Бестужева, — его голос вибрировал опасными низкими частотами. — Ведущий аналитик спецпроектов с высшим допуском. Какого черта ты вынюхиваешь в моем личном архиве в одиннадцать ночи?!

Кристина яростно дернула рукой, пытаясь вырвать затекшие пальцы из его железных тисков:

— Отпустите меня немедленно, Матвей Андреевич! Мне больно!

Вместо ответа Грачев сжал ее запястье еще сильнее:

— Больно тебе будет потом, в камере изолятора. Отвечай: кто тебе заплатил?! Русанов? Или мой братец Герман прислал тебя снять копии перед советом директоров?! Сколько тебе пообещали за слив, дрянь?!

Оскорбление хлестнуло большее физического захвата. Гордость вскипела в ней обжигающей лавой. Кристина резко вскинула голову, сверкая янтарными глазами прямо в его стальные зрачки:

— Я не продажная тварь, Грачев! И никогда ни у кого не

брала взяток! Я пришла забрать свои вещи! Вчера я оставила в сейф-боксе загранпаспорт! У меня завтра отпуск, подписанный вами две недели назад! Мой рейс в девять утра из Шереметьево!

Матвей криво усмехнулся:

— Загранпаспорт в одиннадцать ночи за десять часов до рейса? Как трогательно. Хрестоматийная легенда для промышленного шпионажа.

Свободной левой рукой он резко рванул ремешок кожаной сумочки с ее плеча. Кожа затрещала. Грачев перевернул сумку над полированной столешницей из мореного дуба и

небрежно вытряхнул все содержимое.

На дерево с глухим перестуком посыпались женские мелочи: золотистая пудреница, блеск для губ, связка ключей, кошелек, флешки и распечатанный лист с маршрутной квитанцией авиабилета. Паспорт она продолжала сжимать в свободной руке. Грачев вытянул его из ее пальцев и положил поверх билета.

Матвей подцепил паспорт двумя пальцами, раскрыл на странице с визой, скользнул взглядом по билету:

— «Москва — Ницца». Вылет девять пятнадцать, — прочитал он, и желваки на его челюсти снова заходили ходуном. — Билет в один конец, Бестужева? Слить Русанову компромат на сорок миллиардов, получить гонорар на офшор и испариться на Лазурном берегу под французским солнышком? Ты это планировала?!

— Вы сумасшедший параноик! — задыхалась Кристина от оскорбления. — Мне плевать на Русанова, на ваши акции и грязные миллиарды! Я честно отпахала на ваш фонд три года без выходных! Отдайте мой паспорт!

Она рванулась вперед, пытаясь выхватить документ. Но Грачев захлопнул паспорт и сунул его глубоко во внутренний карман своего жилета — прямо к левой стороне груди, к бешено колотящемуся сердцу.

— Твой самолет улетит без тебя, птичка, — ледяным тоном произнес он. — Забудь про Ниццу. Твой отпуск закончился, даже не начавшись.

— Отдайте! Это грабеж! — Кристина вцепилась пальцами в плотную шерсть его лацкана, пытаясь добраться до кармана.

Ее дерзость переполнила чашу терпения. Матвей перехватил ее вторую руку за запястье. Одним молниеносным круговым движением он заломил обе ее кисти за спину, перехватил их одной ладонью, развернул лицом от себя и толкнул вперед.

Подошвы лодочек соскользнули, и через мгновение Кристина всем телом впечаталась в ледяную гладь шестиметрового панорамного окна.

Удар вышиб воздух из легких. Холод толстого бронированного триплекса мгновенно прошел шелковую ткань блузки, обжигая щеку, ключицы и руки арктическим холодом. Внизу, в двухстах сорока метрах, чернела бездна с бегущими цепочками фар на набережной Тараса Шевченко.

Сзади на нее обрушилась раскаленная тяжесть мужского тела.

Матвей Грачев прижался к ней вплотную, вдавливая ее бедра и живот в металлический горизонтальный поручень рамы. Его широкая грудь накрыла ее лопатки, не оставляя ни миллиметра пространства. Горячие бедра мужчины зажали ее тонкий стан, лишая малейшей возможности шевельнуться.

Кристина судорожно вздохнула. Контраст между ледяным стеклом и обжигающим жаром хищника за спиной был

ошеломляющим. Ткань тонкой юбки не защищала от твердости его стальных мышц. Она чувствовала каждое биение его сердца — мощное, гулкое, яростное.

Матвей наклонился вперед. Колючая щетина царапнула нежную кожу за ее ухом. Горячее дыхание с привкусом горького перца и кардамона обожгло шею, заставив волосы на затылке встать дыбом:

— Дернешься еще раз — свяжу руки твоим же ремнем прямо здесь, — прошептал он ей в ухо, и от тембра его голоса по позвоночнику метнулись дикие мурашки. — Посмотри вниз, Бестужева. Красивый город, правда? Только ты забыла, по каким законам здесь живут. Ты стояла за дверью и слышала каждое слово. Ты слышала то, за что в этом бизнесе стреляют в затылок и бетонируют в опоры мостов.

Кристина попыталась повернуть голову:

— Я... я ничего не слышала! Я только зашла...

— Не ври мне! — Матвей перехватил ее шею широкой ладонью, властно поднимая подбородок вверх, заставляя смотреть на черное отражение в окне. — Твой пульс колотит как бешеный. Ты знаешь о Полине. Знаешь о Русанове. И знаешь о сорока миллиардах.

В темном стекле Кристина видела их обоих: хрупкую девушку с растрепавшимися волосами и пылающими глазами, и за ее спиной — огромного, темного хищника, чья рука властно сжимала ее горло, полностью подчинив ее тело. Это зрелище пугало до судорог и одновременно отзывалось вни-

зу живота запретным жаром.

— И что теперь? — прохрипела она. — Убьете меня прямо здесь?!

Матвей издал низкий смешок, завибрировавший у нее между лопаток:

— Слишком много мороки с полицией. Слушай внимательно, Бестужева. Вариант первый: я вызываю Артема и звоню генералу экономической безопасности МВД. Через двадцать минут здесь будут следователи с обыском. В твоём сейфе найдут скопированные файлы аналитики фонда. Обвинение в краже коммерческой тайны. Мои юристы подберут формулировку.

— Это ложь! Фальшивка! — закричала она.

— Это реальность. Мое слово против твоего. У меня лучшие адвокаты страны, а у тебя — мать-учительница в старой сталинке и пустой банковский счет. Тебя закроют в СИЗО до утра. Два года предварительки, потом семь лет колонии общего режима. Твоя карьера, диплом и молодость сгниют на тюремных нарах.

Кристина зажмурилась. Слезы ярости обожгли веки, но она сжала зубы, отказываясь плакать перед тираном:

— Каков... второй вариант?

Матвей чуть ослабил давление на горло, но его пальцы медленно скользнули по ее коже вниз к ключице, оставив след из раскаленных углей:

— Ты забираешь пальто и добровольно садишься в мою

машину. Мы едем ко мне — в Серебряный бор. Ты будешь жить на вилле под моим личным круглосуточным надзором. Никаких телефонов, сим-карт, интернета и контактов с внешним миром.

— Что?! Это похищение человека!

— Это карантин. Пока я не закрою сделку и не переломаю хребет Русанову, ты не сделаешь ни шага без моего ведома. Будешь спать в комнате напротив моей, есть за моим столом и дышать только с моего разрешения. Три месяца. Ровно до совершеннолетия Полины.

— Три месяца в заточении?! Под вашим круглосуточным конвоем?! Да я скорее сдохну прямо сейчас, чем добровольно стану вашей бессловесной пленницей!

— Выбирай быстрее, Бестужева, — его голос стал жестким и тяжелым, как удар обуха по наковальне. — Мордовские нары, уголовницы-рецидивистки и баланда из гнилой капусты на ближайшие семь лет — или золотая клетка с видом на сосны, персональный шеф-повар, подогреваемый бассейн и шелковые простыни. Время пошло, девочка. Раз... два...

Она знала Грачева слишком хорошо: этот человек никогда не блефовал. Один звонок — и ее жизнь превратится в кровавое месиво, а мать сляжет с инфарктом.

— Я ненавижу вас, Грачев, — прошипела она с ледяным презрением.

Матвей медленно разжал пальцы и отступил на шаг. Кри-

стина пошатнулась, ухватившись за металлический поручень. На бледных запястьях багровели следы его сильных пальцев.

На губах Грачева играла холодная, хищная полуулыбка победителя:

— Прекрасно. Ненависть — отличное чувство. На нем можно продержаться дольше, чем на фальшивой лояльности.

Он повернулся к онемевшему Воронову:

— Собери ее вещи и передай Соколову. Пальто и чемодан из ее кабинета отправь следом на виллу. Воронов, свободен. Утром жду отчет по Сингапуру.

Затем Матвей снова посмотрел на Кристину, и его серые глаза потемнели до цвета грозовой тучи:

— На выход, Кристина. Нас ждет долгая ночь.

Глава 3

Приватный скоростной лифт вип-зоны встретил их глухим шипением пневматики и тусклым золотистым светом скрытых диодов. Бронзовые створки бесшумно сомкнулись, отрезая шестидесятый этаж, растерянного юриста и весь прежний мир Кристины.

Кабина сорвалась вниз с головокружительной скоростью. Уши мгновенно заложило от перепада давления, желудок подкатил к горлу.

Матвей встал прямо перед дверьми, широко расставив ноги в начищенных до зеркального блеска оксфордах. Его мощная фигура заняла почти половину тесного пространства кабины. Он накинул подхваченный в приемной пиджак, переложил в него паспорт и засунул большие пальцы в карманы брюк. От него исходила такая плотная мужская сила, что в кабине стало трудно дышать.

Кристина стояла позади, прижавшись спиной к панели из темного ореха. Пальцы правой руки, спрятанные в кармане шерстяной юбки-карандаша, судорожно перебирали складки подкладки.

Вдруг кончики пальцев наткнулись на плотный прямоугольник.

Пластиковый блистер. Запасная сим-карта.

Вспышка надежды обожгла сознание. Две недели назад она купила новую симку для зарубежных поездок и сунула в карман юбки, совершенно забыв о ней. Если незаметно вытащить карточку, зажать в кулаке и спрятать в носок туфли... При первой возможности — в уборной или на заправке — она вставит ее в терминал и подаст сигнал!

Она начала медленно, миллиметр за миллиметром, сдвигать ногтем плотный пластик упаковки, стараясь не издать ни звука.

Грачев не оборачивался. Он смотрел вперед на электронное табло с мелькающими цифрами: 45... 38... 29...

Но этот зверь обладал сверхъестественным чутьем. Его взгляд метнулся к зеркальному плафону, отражавшему каждое микродвижение за спиной. Мышцы на его широкой шее напряглись.

Не говоря ни слова, Матвей резко развернулся на каблуках.

Кристина не успела даже выдернуть руку.

Грачев шагнул вплотную, прижимая ее к деревянной панели лифта массивным корпусом. Его горячая, тяжелая ладонь без малейших церемоний нырнула прямо в узкий карман ее юбки.

— Что вы делаете?! — вскрикнула она, вспыхнув от возмущения. — Уберите руки! Не смейте трогать меня!

Шерстяная ткань натянулась на бедре до треска. Пальцы Матвея бесцеремонно мазнули по шелковой подкладке, прижимаясь к ее голой коже сквозь тонкий капрон колготок. Ощущение его сильной руки на своем бедре заставило Кристину содрогнуться от гремучей смеси ужаса и острой чувственной дрожи.

Железные пальцы Грачева безошибочно нащупали блистер. Он резко перехватил кисть Кристины, сдавил ее пальцы, заставляя разжать кулак, и вытащил карточку наружу.

— Пустите, мерзавец! — задыхаясь от унижения, прошипела она, ударив его кулаком в грудь.

Матвей даже не шелохнулся от ее удара — его грудная клетка казалась отлитой из чугуна. Он лишь сильнее вжал ее в стену своим бедром, перекрывая любое движение, и медленно поднял карточку к уровню глаз. На его четко очерченных губах зазмеилась холодная, снисходительная насмешка.

— Сим-карта европейского оператора? С нулевым балансом и скрытым идентификатором? Как предсказуемо, Бестужева. Надеялась запереться в кабинке уборной, набрать мамочке и устроить истерику с вызовом патруля?

— Это моя личная вещь! — выпалила она, задыхаясь от унижительной близости его разгоряченного тела, сжимая кулаки до белизны костяшек. — Вы ведете себя как распоясавшийся уголовник! Какое право вы имеете шарить по моим карманам?!

— Я берегу свои активы, Бестужева, — ледяным тоном отчеканил он, и его колючий взгляд прошил ее насквозь. — А ты упорно отказываешься понимать элементарные правила игры. В моем мире выживают только те, кто умеет вовремя прикусить свой хорошенький язычок.

Двери лифта мягко разъехались со звонким гонгом. Минус третий этаж: закрытый подземный паркинг высшего руководства холдинга.

Здесь царил полумрак, разгоняемый лишь желтыми лампами дежурного освещения. Пахло стылым сырым бетоном, тормозными колодками, дорогим машинным маслом и выхлопными газами мощных моторов.

Огромное пространство паркинга было пустынно, если не считать трех внушительных черных машин, стоявших в полной боевой готовности с включенными габаритами. Впереди и сзади замерли тяжелые бронированные внедорожники сопровождения. В центре кортежа высился исполинский, угольно-черный бронированный «роллс-ройс» с глухой заводской тонировкой бронированных стекол.

У капота флагамена стоял начальник службы безопасности Артем Соколов — крепко сбитый мужчина в тактической куртке, с кевларовыми перчатками на руках и тонким шнуром гарнитуры за ухом. В пятидесяти метрах у светящегося шлагбаума дежурила смена охраны в форме Росгвардии.

Кристина мгновенно поняла: это ее последний шанс. Если машина тронется — она пропадет навсегда.

— Держи ее сумочку, — бросил Матвей Соколову, на секунду ослабив хватку на плече Кристины.

Этой секунды хватило.

Кристина резко дернула локтем назад, метя каблуком в его туфлю. Захват разомкнулся, и она сорвалась на бег по наливному полу на своих тонких каблуках.

— Помогите! — закричала она во весь голос, и крик заметался под бетонными сводами. — Помогите! Полиция! На помощь!..

Охранник в будке вздрогнул, поднимаясь со стула.

Но Грачев настиг ее в три гигантских прыжка.

Огромная железная рука обхватила ее поперек талии, бук-

важно оторвав ноги от пола. Кристина беспомощно взмыла в воздух. Вторая ладонь Матвея намертво запечатала ей рот, оборвав крик в невнятное глухое мычание.

Кристина яростно забилась в его руках. Она брыкалась, изо всех сил молотя каблуками по его голеньям, впиваясь ногтями в ладонь на своем лице. Но Матвей держал ее без малейших усилий, словно капризного котенка. Его тело было выковано из стали — удары тувель не причиняли ему вреда.

Соколов распахнул тяжелую пятнадцатисантиметровую бронированную дверь внедорожника.

— Шеф, на посту шевелятся, — коротко бросил Артем.

— Скажи дежурному: семейный скандал у руководства. Камеры затри, — бросил Матвей, не сбавляя шага.

Он подошел к распахнутому проему и одним слитным движением швырнул Кристину в салон, прямо на широкое заднее сиденье из перфорированной кожи коньячного оттенка.

Кристина упала на бок, ударившись бедром о подлокотник, и тут же перекатилась к противоположной двери, судорожно дергая ручку. Ручка была мертвой: центральный детский замок заблокировал механизмы изнутри.

В следующий миг на сиденье рядом с ней тяжело опустился Грачев.

Дверь за его спиной захлопнулась с глухим звуком корабельного люка.

В салоне воцарился герметичный вакуум. Внешний мир

перестал существовать. Осталась лишь плотная тишина, наполненная запахом кожи наппа, кардамона и тяжелого дыхания двоих.

Кристина забилась в угол дивана, подтянув колени к груди. Шелковая блузка расстегнулась на верхнюю пуговичку, обнажая ложбинку между ключицами, прическа растрепалась. На тыльной стороне правой кисти Матвея алели три глубокие царапины от ее ногтей.

Грачев даже не взглянул на раны. Он взял из переданной Соколовым сумочки ее смартфон, вытащил скрепку для извлечения лотка и выщелкнул слот с сим-картой.

Поднеся золотистый микрочип к лицу Кристины, он двумя пальцами с сухим, звонким хрустом сломал пластик пополам.

Обломки упали в бронзовую пепельницу центральной консоли. Следом туда же полетела разорванная запасная карта. Сам телефон Матвей засунул в глубокий сейф-бокс подлокотника, набрал код и захлопнул тяжелую крышку.

— Вот и всё, Бестужева, — негромко произнес он. — Связь с внешним миром прервана. Ты больше не существуешь для операторов и авиакомпаний.

Кристина сжала кулаки до тупой боли:

— Вы чудовище, Грачев. Вы думаете, что деньги и броневики дают право ломать людей об колено?!

Матвей наклонился вперед. Он навис над ней, оперевшись рукой о спинку дивана позади ее головы, а вторую положив

на сиденье в сантиметре от ее бедра.

Пространство между ними сжалось до ладони. Кристина ощущала волны жара, идущие от его широкой груди. Его лицо было так близко, что она различала каждую ресницу, тонкий шрам у виска и темную щетину на челюсти.

— Я не ломаю людей, Кристина, — тихо проговорил он, и его взгляд жадно скользнул по ее влажным губам и вздымающейся груди. — Я защищаю свою семью и свою империю. А теперь... в этот список входишь и ты. Пока ты знаешь мою тайну — ты принадлежишь мне. Целиком и полностью.

— Я никогда не буду принадлежать вам! — выпалила она ему в лицо, задыхаясь от близости его губ. — Когда эта дверь откроется, я пойду в прокуратуру!

— Попробуй. — Он взглянул на запертую дверь, потом снова на Кристину. — Будет любопытно посмотреть, как ты объявишь мне войну. Но сначала научись выживать в одной берлоге со мной.

Впереди щелкнула пассажирская дверь. Рядом с водителем сел Артем Соколов:

— Все чисто, шеф. Шлагбаум открыт.

— Трогай, — бросил Грачев. — Едем в Серебряный бор. Предупреди охрану на КПП: у нас гостя с особым режимом допуска.

Двенадцатицилиндровый мотор отозвался низким рыком. Бронированный флагман плавно качнулся и начал подъем по наклонному пандусу на мокрые, залитые снегом улицы

ночного города.

Кортеж вырвался из бетонного жерла подземного паркинга в промозглую ночную мглу.

Ливень сменился густым снегопадом. Дворники флагманского внедорожника мерно сметали липкую белую кашу с лобового стекла. Машины охраны держали дистанцию не более десяти метров. Три черных исполина летели по набережной Тараса Шевченко на скорости за сто двадцать километров в час, разрезая мокрый асфальт широкими колесами.

Город за окнами смазывался в сплошную полосу размытых огней: желтые фонари мостов, неоновые вывески, одинокие силуэты такси, шарахавшихся к обочине при виде правительственных проблесковых маячков кортежа.

Кристина сидела вжавшись в кожаную обивку, не отрывая взгляда от залитого каплями окна. Пальцы судорожно комкали край шерстяной юбки. Внутри все клокотало от адреналина и ярости, но физическая слабость после пережитого шока уже брала свое: колени мелко подрагивали, во рту пересохло.

Матвей сидел рядом, откинувшись на подголовник. Он снял пиджак и жилет, бросив их на соседнее кресло, и остался в одной сорочке с закатанными рукавами. Темно-бордовый загранпаспорт лежал во внутреннем кармане этого пиджака — в полуметре от нее, но сейчас казался недостижимым, как другая планета.

Внезапно в динамике радиосвязи раздался сухой голос во-

дителя замыкающей машины:

— «Первый», прием. Говорит «Третий». У нас гости. На хвосте висит серый седан, предположительно «ауди» без включенных огней. Сели за нами на выезде с набережной. Номера залеплены грязью. Идут на форсаже, дистанция восемьдесят метров.

Глава 4

Кристина вздрогнула, уставившись на спинку водительского кресла.

Лицо Матвея изменилось мгновенно. Вся расслабленная поза доминанта слетела в долю секунды. Черты лица окаменели, превратившись в безжалостную боевую маску. Серая сталь его глаз сузилась до лезвий бритвы. Он взял тангенту рации:

— Соколов, идентифицировать борт.

Артем, сидевший впереди, уже щелкал клавишами защищенного планшета:

— Тепловизор фиксирует четырех человек в салоне. Борт из гаража Русанова, шеф. Тот самый серый броневик, который пас нас возле офиса на прошлой неделе. Похоже, их наружка дежурила у Сити. Они увидели срочный выезд кортежа и пошли на перехват. Хотят выбить бумаги силой до выезда на Новую Ригу.

У Кристины оборвалось дыхание, кровь отхлынула от лица:

— Русанов?.. Это бандиты?! Они будут стрелять?!

Матвей бросил на нее быстрый взгляд матерого хищника, готового к бою:

— Сиди тихо и пристегни ремень. Всем бортам, говорит Грачев. В городе перестрелку не начинать. Впереди развязка перед проспектом Маршала Жукова. «Третий», приготовиться к маневру. Коробочка на выходе из кольца. Встретить бортом в борт, отжать к бетонному отбойнику и разбить передок. Без стрельбы. Исполнять.

— Принято, шеф, — отозвался командир группы прикрытия.

Кристина потянулась к ремню, но замок ушел под складку сиденья. Пока она нащупывала его, кортеж вылетел на широкую эстакаду. Впереди показалась грандиозная развязка. Снег валил стеной, видимость упала до полусотни метров.

Сзади сквозь снежный буран вынырнули хищные очертания серого седана. Седан шел без габаритов, на огромной скорости накатывая по левому ряду и пытаясь поравняться с флагманским внедорожником Грачева.

— Пошел маневр! — рявкнул Соколов.

В следующую секунду замыкающий внедорожник охраны внезапно вильнул вправо, пропуская преследователя, а затем с ревом шестисотсильного мотора резко ударил рулем влево.

Многотонная махина джипа со стальным кенгурятником на скорости за сотню врезалась прямо в правое крыло нападавших.

Оглушительный скрежет сминаемого металла и сноп ярких оранжевых искр разорвали ночную тьму. Седан закрутило вокруг оси, выбросило на разделительную полосу и с чудовищной силой впечатало в металлический отбойник эстакады. Капот седана вздыбился гармошкой, из-под радиатора повалили клубы пара, машина замерла в сугробе, полностью выведенная из строя.

Но летящие обломки и снежная каша на асфальте не прошли бесследно для флагмана.

Водитель «роллс-ройс» резко крутанул руль, уходя от летящих обломков бампера. Тяжелый внедорожник занесло на обледенелой дуге съезда. Корму повело вправо, колеса потеряли сцепление с дорогой, машину начало разворачивать поперек трассы.

Крестину с чудовищной силой швырнуло вперед — пря-

мо на жесткую центральную консоль. Она успела лишь вскрикнуть, зажмутив глаза перед ударом.

Но удара не последовало.

В долю секунды, когда машина теряла управление, Матвей Грачев совершил молниеносный бросок.

Его правая рука стальным обручем обвила талию Кристины, а левая ладонь намертво легла ей на затылок. Одним мощным рывком он буквально сорвал ее с сиденья, притянул к себе и опрокинул на диван, накрывая ее хрупкое тело всей массой своего мускулистого корпуса.

— Голову вниз! — рывкнул он прямо ей в висок. — Не шевелись!

Кристина оказалась намертво зажата под ним.

Тяжелая грудь Матвея прижала ее к кожаным подушкам. Его широкие плечи полностью закрыли ее от возможных осколков, а горячая ладонь намертво вдавила лицо в мягкую ткань его белоснежной рубашки.

Внедорожник с визгом резины развернуло боком, машину тряхнуло на ледяном бруствере, сработали стабилизаторы, и опытный водитель выровнял ход. Автомобиль качнулся на пневмоподвеске. Водитель поймал сцепление и повел его вдоль отбойника.

Но Матвей не спешил отпускать ее.

Кристина лежала под ним, боясь сделать вдох. Ее щека была прижата к его горячей груди. Сквозь тонкий хлопок сорочки она слышала бешеный стук его сердца — мощный,

неумолимый, как удары кузнечного молота. От его кожи пахло раскаленным металлом, свежим снегом и дорогим табаком.

Этот мужчина только что закрыл ее собой. Не задумываясь ни на секунду. Заслонил своим телом от летящих обломков и удара о консоль.

Этот сокрушительный контакт дышал первобытной властной силой. В нем сквозил древний инстинкт альфа-самца, закрывающего свою женщину от смертельной опасности. И против своей воли, вопреки всей ненависти и бунту, Кристина почувствовала, как по ее телу разливается пьянящее чувство полной безопасности. Рядом с этой несокрушимой силой любой страх разбивался в прах.

Матвей медленно приподнялся на локтях, нависая над ней в полумраке салона.

Их лица оказались в нескольких сантиметрах. Его горячее дыхание обжигало ее приоткрытые губы. Темные волосы упали на лоб, серые глаза потемнели до черноты, в них плескалось что-то дикое, голодное. Взгляд мужчины скользнул по ее раскрасневшимся щекам, дрожащим ресницам и остановился на губах.

Кристине показалось, что воздух вокруг них раскалился до предела. Еще секунда — и он поцелует ее. Жестко, властно, без права на отказ. И самое страшное заключалось в том, что в это безумное мгновение она не нашла бы в себе сил оттолкнуть его.

— Цела? — хрипло спросил он, не отводя глаз.

Кристина с трудом сглотнула вязкую слюну:

— Пустите... Вы... вы раздавите меня.

Грачев медленно, словно нехотя, убрал ладонь с ее затылка, поднялся и сел прямо, поправляя воротник рубашки. Но его пальцы на секунду задержались на ее плече, ощутимо сжав ткань блузки:

— Ты крепче, чем кажешься, Бестужева.

В динамике ожила рация:

— «Первый», преследователь смят, экипаж заблокирован подушками. Жертв нет. Хвоста нет, трасса чистая.

— «Третий», оставайся на месте до прибытия юристов, оформляйте как рядовое ДТП. Мы уходим на базу, — распорядился Матвей.

Автомобиль свернул с шоссе на узкую частную дорогу, петлявшую среди векового соснового массива. Снег лежал нетронутым белым ковром, ветви сосен нависали над асфальтом тяжелыми заснеженными шапками.

Спустя несколько минут впереди вырос массивный трехметровый забор из дикого черного сланца. По центру возвышались исполинские кованые ворота с фамильным гербом Грачевых — соколом, сжимающим обнаженный меч.

У ворот стоял бронированный КПП. Охранники в черной тактической форме вытянулись во фрунт при виде кортежа. Тяжелые кованые створки с глухим механическим гулом откатились в стороны. «роллс-ройс» въехал на территорию ре-

зиденции «Серебряный бор», и ворота с лязгом сомкнулись за ним, запирая стальные ригели.

Капкан захлопнулся.

Машина плавно затормозила у парадного крыльца из полированного серого гранита.

Перед Кристиной предстал грандиозный особняк в стиле альпийского хай-тека: монументальные стены из колото-го камня и мореного дерева, панорамные окна в два этажа, мягкая янтарная подсветка фасада, утопающего в заснежен-ном бору. Дом дышал баснословным богатством, неприступ-ностью и абсолютной изоляцией от остального мира.

Артем Соколов распахнул заднюю дверь со стороны ше-фа.

Матвей легко вышел на гранитную плиту, вдохнув мороз-ный хвойный воздух полной грудью. Затем повернулся, рас-пахнул дверь перед Кристиной и протянул ей широкую силь-ную руку.

На его губах играла властная, насмешливая улыбка:

— Выходи, Кристина. Твой личный золотой капкан готов к приему хозяйки.

Кристина посмотрела на его протянутую ладонь. Гордо вскинув подбородок, она демонстративно проигнорировала его жест.

Она вышла из машины сама. Тонкие подошвы замшевых лодочек мгновенно провалились в пушистый ледяной снег, морозный ветер полоснул по обнаженным ключицам и рас-

трепал каштановые волосы, но она даже не вздрогнула.

Она выпрямилась во весь рост, заглядывая прямо в его насмешливые серые глаза:

— Это не капкан, Грачев. Это тюрьма. И как бы красиво вы ни украсили ее золотом и соснами, однажды я сломаю все ваши прутья и выйду отсюда свободной. Запомните это.

Матвей тихо, низко рассмеялся — звуком, от которого у нее снова заныло под ложечкой.

Он шагнул вперед, властно положил тяжелую ладонь ей на талию, притягивая к своему бедру, и повел вверх по гранитным ступеням к распахнутым дверям особняка:

— Я люблю амбициозных женщин, Бестужева. Посмотрим, насколько хватит твоей гордости, когда этот дом станет твоим единственным миром.

Массивная дубовая дверь резиденции с мягким щелчком запечатала их внутри.

Глава 5

Пробуждение вышло тягучим и мучительным, словно выныривание из темного ледяного омута, где вместо воды колыхались обрывки вчерашнего кошмара.

Кристина открыла глаза, с трудом преодолевая свинцовую тяжесть век. Первое, во что уперся ее растерянный взгляд — гигантский скошенный потолок из беленого сибирского кедра. Тонкий смолистый аромат дерева смешивался в воздухе с запахом дорогого сатина и горной лаванды. Высота сводов поражала воображение, а грандиозное панорамное окно во всю стену распаховало вид на бескрайний сосновый бор. Закаленное стекло мягко приглушало утренний свет, придавая ему жемчужно-серый стальной оттенок. Верхушки вековых сосен, укутанные колючим серебристым инеем, мерно покачивались под порывами морозного ветра, напоминая застывшие лапы сказочных чудовищ.

Она лежала на необъятной кровати king-size, утопая в невесомой пуховой перине и шелковистом постельном белье цвета топленого молока. На ней по-прежнему оставалась вчерашняя шелковая блузка цвета айвори — измятая, сохранившая на жестком воротнике едва уловимый след чужого мужского парфюма с нотами кардамона, черного перца и морозной хвои. Память обожгла ее с беспощадной, кристальной ясностью: шестидесятый этаж башни «Грачев Плаза»,

металлический грохот папки с документами в ночном архиве спецпроектов, стальная хватка на тонком запястье, холодное панорамное стекло, в которое ее впечатал Матвей Грачев, и тихий хруст сломанной пополам сим-карты на кожном подлокотнике его бронированного внедорожника.

«Твой личный золотой капкан готов».

Слова босса прозвучали в тишине спальни так отчетливо, будто он стоял у изголовья кровати. Кристина резко села, сбросив тяжелое пуховое одеяло. Босые ступни коснулись ковра с пружинящим густым ворсом из чистой новозеландской шерсти. Все тело ломило от чудовищного нервного перенапряжения, в висках глухо стучала кровь, а в пересохшем горле стоял колющий ком.

В ту же секунду в массивную дубовую дверь раздался негромкий двойной стук; Кристина едва успела подтянуть одеяло. Электронный замок в полотне тихо щелкнул, сняв скрытую блокировку, и тяжелая створка плавно отворилась внутрь комнаты.

На пороге возникла пожилая женщина с безупречно прямой, почти военной осанкой. На ней было строгое темно-синее шерстяное платье до самых щиколоток и белоснежный, жестко накрахмаленный фартук. Гладко зачесанные седые волосы были собраны в тугой пучок на затылке. Следом за ней молоденькая горничная с опущенными глазами, ступая на цыпочках, вкатила в комнату тяжелый хромированный рейл на мягких каучуковых колесиках.

Рейл ломился от одежды. На тонких деревянных плечиках висели десятки вещей, тщательно отсортированных по мягкой пастельной гамме: тончайший кашемир пудрового и жемчужно-серого оттенков, струящиеся шелковые юбки в пол, мягкие шерстяные брюки свободного кроя, домашние двойки из шерсти альпака и тяжелые вязаные кардиганы с перламутровыми пуговицами. На нижней стеклянной полке стояли коробки с кружевным бельем ручной работы, мягкие кашемировые носки и замшевые туфли без каблука. Все фабричные бирки и ценники были аккуратно срезаны, а ткани источали тонкий лавандовый аромат безупречной европейской химчистки.

— Доброе утро, Кристина Михайловна, — произнесла женщина, остановив горничную у порога коротким жестом. — Меня зовут Марфа Васильевна. Я старшая экономка в резиденции господина Грачева. Матвей Андреевич распорядился подготовить для вас полный сезонный гардероб. Размеры подбирали по вещам из вашего чемодана.

Кристина сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как внутри поднимается жаркая, удушливая волна чистого бешенства. Осознание того, что ее тело, ее привычки и ее свобода были расписаны чужой деспотичной волей, словно банальная смета на поставку бетона, обожгло горло горечью.

— Уберите это, — раздельно, чеканя каждый звук, произнесла Кристина. Она поднялась с постели во весь свой рост, расправляя хрупкие плечи и вздергивая подбородок. Она отодвинула рейл так, что плечики ударились друг о друга. — Уберите немедленно. Я не фарфоровая кукла вашего хозяина и не содержанка, которую он купил для загородных развлечений. Где моя вчерашняя одежда? Моя юбка, жакет

и туфли?

Марфа Васильевна даже бровью не повела. Лишь в глубине ее мудрых старческих глаз на мгновение промелькнула едва заметная тень сочувствия. За долгие годы службы у стального девелопера она повидала немало бурь и знала цену непокорности.

— Ваши дорожные вещи по личному распоряжению Матвея Андреевича переданы службе безопасности на санитарную обработку и в экспресс-химчистку. — Экономка придержала качнувшийся рейл. — После нахождения в багажном отсеке и пыльном архиве они требовали профессионального ухода. До вечера они будут недоступны. А Матвей Андреевич ожидает вас к девяти часам утра в столовой на первом этаже. Он терпеть не может, когда к утреннему кофе опаздывают.

— Пусть ждет хоть до следующего года! — Кристина сделала решительный шаг вперед, преграждая путь к встроенному гардеробу. — Я требую вернуть мои документы и вызвать такси до Москвы. Ваш хозяин совершает тяжкое уголовное преступление! Это незаконное лишение свободы, статья сто двадцать седьмая Уголовного кодекса! Вы соучастница похищения!

— Моя обязанность — безупречный порядок в доме и ваш абсолютный комфорт, Кристина Михайловна, — мягко, но несокрушимо парировала Марфа Васильевна. — О статьях кодекса вам лучше побеседовать с господином Граче-

вым лично. Завтрак будет подан через двадцать минут. Настоятельно рекомендую выбрать что-нибудь теплое — в комнатах свежо, а утренний ветер с реки бывает очень коварным.

Экономка сделала короткий жест горничной. Обе женщины бесшумно выскользнули из спальни. Дверь закрылась за ними с глухим бархатным звуком. Щелчка засова на этот раз не последовало, но Кристина прекрасно понимала: замок управляется с центрального охранного пульта, и эта мнимая незапертость — всего лишь очередная издевка ее пленителя.

Она подошла к зеркалу над комодом, судорожно массируя виски. Папка с генетической экспертизой... Семнадцатилетняя Полина, невинная девочка с тяжелым пороком сердца, оказалась родной дочерью Вадима Русанова — криминального хищника, мечтающего разорвать империю Грачева на куски. Матвей защищает свою семью и свои миллиарды. Но почему ценой ее жизни?!

«Он считает, что сломает меня комфортом, — зло подумала Кристина, кусая губы до солоноватого привкуса крови. — Окружит кашемиром, приставит вышколенных слуг и будет ждать, пока я стану покорной овечкой? Не дождется».

Она принялась исследовать спальню. Гостиная комната площадью не меньше ста квадратных метров была оформлена с вызывающей, подавляющей роскошью. Тяжелая мебель из массива дуба, каминный портал из полированного бежевого травертина, полки с альбомами по истории класси-

ческой архитектуры. В просторной ванной комнате, облицованной плитами теплого золотистого оникса, стояли глубокая каменная купель, тропический душ за матовым стеклом и длинный ряд флаконов дорогой селективной косметики с ароматами кедра и вербены. На тумбочке обнаружился только пульт штор. Кристина проверила ящики, потом розетки за комодом. Подключить телефон здесь было попросту не к чему.

Кристина вернулась в жилую зону. Внимание привлекла широкая двустворчатая стеклянная дверь в пол. Подойдя ближе, она повернула тяжелый латунный шпингалет и с усилием толкнула створку от себя.

Ледяной, обжигающе свежий воздух ворвался в комнату тугим хвойным потоком. Кристина шагнула босыми ногами на широкую террасу, настланную массивной доской из сибирской лиственницы. Мороз моментально прошил тонкий шелк блузки, заставляя кожу покрыться мурашками, а ступни обожгло ледяным холодом досок, но она замерла у кованых перил, жадно вдыхая пьянящий воздух.

Терраса огибала весь второй этаж усадьбы, образуя открытый переход между жилыми крыльями особняка. Прямо перед ней простирался закрытый внутренний парк: заснеженные газоны, стройные корабельные сосны в серебряных шапках и кованые фонари на чугунных столбах.

Внезапно слева, из противоположного крыла виллы, раздался негромкий звук сдвигаемой стеклянной створки.

Кристина резко повернула голову и застыла, забыв, как дышать.

На соседней террасе, на расстоянии едва ли больше десяти метров, из своей мастер-спальни вышел Матвей Грачев.

На нем не было привычной брони — ни строгого итальянского костюма за десятки тысяч евро, ни шелкового галстука, стягивающего горло. Миллиардер стоял на морозном ветру босиком, в одних свободных темно-серых спортивных брюках из плотного матового хлопка на широком шнурке. Его мощный торс с широким размахом плеч, рельефными пластинами грудных мышц и глубоко очерченными кубиками пресса был полностью обнажен. Черные густые волосы после утреннего душа лежали влажными прядями, слегка спадая на высокий лоб. На резких аристократичных скулах темнела густая суточная щетина.

А на правом боку, чуть выше линии тазовой кости, белел рваный старый шрам длиной сантиметров десять — след давнего боевого ножевого ранения.

В правой руке с длинными цепкими пальцами Матвей держал маленькую чашку из матового черного фарфора. Над ней поднималась тонкая струйка ароматного пара.

Он неторопливо сделал глоток и поднял глаза на Кристину.

Его стальной, пронзительный взгляд серых глаз полоснул по ней с такой первобытной силой, что у девушки перехватило дыхание. Это был взгляд матерого хищника, который

вышел на край своей скалы и обозревает владения, абсолютно уверенный в своем праве на каждую живую душу в этом периметре.

Взгляд Матвея медленно, с тягучей мужской наглостью скользнул по ее тонкой фигуре: по босым ступням, прижатым к морозному дереву, по узким бедрам, по тонкой блузке, сквозь которую холодный ветер безжалостно очерчивал напряженные соски, и наконец остановился на ее янтарных, полных ярости глазах.

Уголок его четко очерченных губ дрогнул в ленивой, циничной полуулыбке.

— Доброе утро, соседка, — низкий, бархатный баритон Матвея легко преодолел морозное расстояние, вибрируя в утренней тишине соснового бора. — Надеюсь, постель не показалась тебе слишком жесткой?

Кристина сжала зубы, чувствуя, как щеки заливают предательский румянец — не от холода, а от дикой смеси злости и того первобытного трепета, который вызывало это обнаженное мужское тело.

— Ваша постель воняет тюремной камерой, Грачев, — звонко бросила она, не отводя взгляда. — Какими бы шелками вы ее ни застилали.

Матвей усмехнулся, сделав еще один неторопливый глоток обжигающего эспresso:

— Ты простудишься, Кристина. А больная заложница доставляет слишком много хлопот. Уйди с холода и спускайся

вниз. Кофе стынет, омлет на столе. У тебя ровно семь минут.

Он развернулся с кошачьей грацией сытого зверя и скрылся в полумраке своей комнаты, даже не закрыв за собой дверь.

Кристина еще секунду стояла на ледяном ветру, глядя на пустой проем. Сердце бешено колотилось в ребра. Развернувшись, она вбежала обратно в спальню и с глухим стуком захлопнула стеклянную дверь, привалившись к ней горячим лбом. Поединок только начинался, и она поклялась себе не уступить этому зверю ни единого сантиметра своей гордости.

Глава 6

Остаться в шелковой блузке, отсыревшей после вчерашнего снега и неприятно липнущей к телу, было верхом безрассудства. Но бросить взгляд на хромированный рейл с кашемировыми платьями и пастельными двойками означало признать поражение. Надеть наряд, купленный по его указке, значило принять правила золотой клетки, превратиться в ручную игрушку всесильного босса.

«Ни за что, — упрямо решила Кристина, растирая озябшие плечи. — Лучше завернуться в штору, чем надеть твои подачки».

Она решительно подошла к массивному дубовому комоду с латунными кольцами, стоявшему в нише гардеробной. Верхние ящики оказались пустыми — там лишь пахло сухим сандалом. Но когда она с усилием потянула за нижний, самый глубокий ящик, ее пальцы наткнулись на стопку плотной ткани.

Там лежали запасные мужские вещи — резервный комплект самого хозяина дома, сложенный экономкой. Кристина вытащила сложенную в идеальный прямоугольник сорочку. Это была классическая белая рубашка оверсайз из плотного мерсеризованного египетского хлопка высочайшего качества. Перламутровые тяжелые пуговицы, воротник-стойка и тончайшая вышивка темно-синим шелком на левом ман-

жете: две переплетенные латинские буквы «M.G.».

Ткань источала едва уловимый, но совершенно безошибочный аромат Матвея: терпкий кардамон, горький бергамот, сухое тепло кедровой смолы и мускатный орех с легким металлическим привкусом трубочного табака. Запах кружил голову и одновременно разжигал в крови ярость.

В голове Кристины мгновенно вспыхнула дерзкая, безумная мысль. На губах заиграла опасная, торжествующая улыбка.

— Хотел послушания, господин Грачев? — прошептала она в тишину комнаты. — Ты его получишь.

Она без колебаний сбросила с себя измятую офисную блузку. Пальцы растегнули тонкие бретели кружевного бюстгальтера, отправив его на ковер. Надевать под плотную мужскую ткань гладкое белье было бессмысленно — эта рубашка должна была стать вызовом, звонкой пощечиной его ледяному самоконтролю.

Она накинула сорочку на обнаженные плечи. Прохладный, гладкий хлопок мягко обнял тело. Рубашка Матвея, сшитая на его богатырский размах плеч и рост метр девяносто, сидела на хрупкой Кристине как ультракороткое провокационное платье. Широкая линия плеч соскользнула вниз, обнажая изящные ключицы и тонкую шею. Кристина застегнула всего четыре средние пуговицы — от солнечного сплетения до середины бедер. Глубокий распахнутый ворот открывал волнующую ложбинку между округлыми полушари-

ями груди, которая трепетно вздымалась при каждом вдохе. Рукава она небрежно закатала в несколько оборотов до самых локтей, открывая тонкие запястья. Нижний край сорочки заканчивался на середине бедра, оставляя длинные стройные ноги полностью обнаженными.

Кристина подошла к ростовому зеркалу. Из глубины стекла на нее смотрела дерзкая красавица с растрепанными каштановыми волосами, лихорадочным румянцем на скулах и горящими янтарными глазами.

Не надевая тапочек, ступая босыми ногами по прохладному паркету, она распахнула дверь спальни и вышла в коридор.

Дом жил своей приглушенной утренней жизнью. Где-то внизу тихо звучала ненавязчивая инструментальная мелодия, в воздухе витал густой аромат свежемолотой арабики и поджаренных тостов. В коридоре шелкнула поворотная камера. Кристина подняла на нее глаза и показала язык: пусть передадут хозяину вместе с докладом.

Кристина спустилась по широкой лестнице из белого каррарского мрамора, скользя ладонью по гладким деревянным перилам. Просторный холл первого этажа плавно перетекал в грандиозную кухню-гостиную. Высоченные кедровые потолки, балки из мореного дуба, каминная зона с кожаными диванами и огромный пятиметровый монолитный остров из полированного белого мрамора с серыми прожилками.

За островом на высоком полубарном кресле из темной кожи сидел Матвей.

Он успел переодеться: на нем был тонкий кашемировый джемпер цвета мокрого асфальта, обтягивающий рельефную грудь, и строгие темные брюки. Перед ним на мраморе лежал

ультратонкий карбоновый планшет с биржевыми котировками. В правой руке он держал широкую фарфоровую чашку с кофе.

Звук ее легких босых шагов по мраморному полу заставил его поднять голову.

Кристина не отвела глаз. Она шла нарочито медленно, плавно покачивая бедрами, чувствуя, как утренний сквозняк ласкает обнаженные ноги.

Чашка с кофе застыла в сантиметре от губ мужчины.

Кристина отчетливо увидела, как треснула маска его ледяной невозмутимости. Резкие скулы затвердели, желваки под густой щетиной сжались до каменной плотности. Его стальные серые глаза расширились, а зрачки затопили радужку, превращая взгляд в бездонные колодцы дикой мужской ярости и неприкрытого вожделения.

Матвей смотрел на нее неотрывно. Его взгляд медленно обжег ее босые пальцы, стройные щиколотки, поднялся по гладкой коже обнаженных бедер, зафиксировал нижний край белого подола и впился в распахнутый ворот рубашки, под которым при каждом движении вздымалась девичья грудь без белья. Плотный хлопок натянулся на отвердевших сосках, очерчивая их до миллиметра.

В огромной гостиной повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в камине.

— Бестужева... — его голос прозвучал непривычно глухо, с хриплым, вибрирующим рокотом чистого потрясения. —

Что это, черт возьми, такое?

Кристина подошла к противоположному краю острова, небрежно оперлась бедром о холодный полированный камень и насмешливо изогнула бровь:

— Это хлопок, господин Грачев. Стопроцентный египетский хлопок из вашего комода. Мои вещи вы отправили в утиль, а рядиться в шелка из вашей подарочной лавки я отказалась. Выбор был невелик: либо я выхожу к завтраку совершенно голой, либо в вашей сорочке. Судя по вашему лицу, первый вариант устроил бы вас больше?

Матвей медленно опустил чашку на мрамор. Фарфор звякнул с глухой опасной силой. На его виске отчетливо забила тугая жилка.

— Ты считаешь это остроумным бунтом, Кристина? — тихо, с ледяной угрозой спросил он.

— Я считаю это элементарным удобством, — парировала она, обходя угол острова и усаживаясь на высокий барный стул. Она демонстративно закинула ногу на ногу. Белый подол сорочки задрался еще выше, обнажая внутреннюю сторону бедра почти до самого края шелковых трусиков. — Вы обещали мне завтрак, Матвей Андреевич. Где он? Или забота гостеприимного хозяина заканчивается на грабеже в подземном паркинге?

Грачев не ответил. Он молча отложил планшет и поднялся во весь свой гигантский рост. Его фигура в замкнутом пространстве подавляла мгновенно. Широкие плечи засло-

нили утренний свет. Он сделал три неторопливых шага, обходя мраморный монолит, словно тигр, выбирающий траекторию для смертельного прыжка.

Внутри у Кристины все сжалось в ледяной комок. Сердце колотилось о ребра, но упрямая гордость приковала ее к стулу. Она лишь крепче сжала пальцы на деревянном краю сиденья, не опуская подбородка.

Матвей подошел вплотную.

Одним слитным, властным движением он шагнул вперед, встав точно между ее разведенных коленей. Бедро Кристины оказались зажаты между его мускулистыми ногами в плотной шерсти брюк. Жар его тела пробил тонкий хлопок ее сорочки так явственно, будто между ними не было никакой преграды.

Прежде чем она успела шевельнуться, Матвей опустил обе тяжелые, раскаленные ладони на деревянную основу стула по бокам от ее бедер, наваливаясь всем корпусом вперед.

Ловушка захлопнулась.

Их лица разделяли считанные сантиметры. Кристина замерла, запрокинув голову. Ноздри заполнил его запах — терпкий кардамон, горький табак, свежесваренный кофе и раскаленная мужская кожа. Дыхание Матвея, тяжелое и прерывистое, обжигало ее приоткрытые губы.

— Ты думаешь, ты играешь со мной в детские игры, птичка? — прошептал он ей прямо в губы, и его баритон прокатился по ее телу горячей дрожью. — Ты натягиваешь мою

рубашку на голое тело. Садись передо мной, задираешь ноги и требуешь кофе. Ты вообще понимаешь, что делает нормальный мужчина, когда видит в своем доме женщину в таком виде?

— Вы цивилизованный человек, Грачев, — выдохнула Кристина, глядя прямо в бурю его потемневших зрачков. — Или ваши миллиарды — лишь фасад для повадок уличного насильника?

В серых глазах Матвея блеснула злая сталь. Пальцы на сиденье стула сжались так, что лакированное дерево жалобно скрипнуло. Он наклонился еще ниже, коснувшись колючей щетиной ее виска, и шумно втянул носом воздух, вбирая запах ее волос.

— Цивилизация осталась за воротами этого поместья, Кристина. Здесь действуют мои законы. Ты дразнишь зверя, Бестужева. Ты чиркаешь спичкой над открытым баком с горячим. И если ты позволишь себе еще одну такую выходку... если ты еще хоть раз выйдешь ко мне без белья...

Он замолчал, его губы на долю секунды обожгли чувствительную впадинку под ее мочкой уха. Кристину прошиб озноб, предательская слабость разлилась по низу живота, заставляя дыхание сбиться в прерывистый стон.

— Что тогда? — шепнула она с вызовом, хотя голос дрогнул.

Матвей резко поднял голову, глядя ей прямо в глаза с убийственной, первобытной серьезностью:

— Я уложу тебя на этот мраморный остров. Разведу твои красивые ноги, сорву эту чертову рубашку на тряпки и возьму тебя прямо здесь так глубоко и жестко, что ты забудешь собственное имя. И поверь мне, никакой отдел кадров и никакая прокуратура тебя не спасут. Ты усвоила это, Кристина?

Они смотрели друг на друга целую вечность. Воздух между ними гудел от невыносимого плотского напряжения. Кристина видела тяжелую пульсацию жилы на его мощной шее и понимала: он не блефует. В нем говорила не спесь хозяина жизни, а дикая мужская сила, сдерживаемая лишь нечеловеческим усилием воли.

— Я не боюсь тебя, — тихо, но твердо ответила она.

— Боишься, — усмехнулся Матвей с мрачным огнем в глазах. — И это единственный признак ума, который ты сегодня проявила.

Он резко оттолкнулся от стула, разрывая убийственную близость.

Из боковой двери столовой бесшумно появилась Марфа Васильевна с серебряным сервировочным столиком. Под тяжелыми металлическими клошами дышал ароматным паром омлет с белыми грибами и спаржей, стояли розетки со свежими лесными ягодами и горячие круассаны. Лицо экономки оставалось безупречно каменным, словно вид полуобнаженной заложницы в рубашке хозяина был привычным делом.

— Завтрак подан, Матвей Андреевич, — невозмутимо произнесла она.

Матвей вернулся на свое место за островом, взял планшет и сел, бросив на Кристину ледяной взгляд:

— Ешь, Бестужева. Набирайся сил. Они тебе сегодня очень понадобятся.

Глава 7

Завтрак прошел в давящем, звенящем безмолвии. Кристина заставила себя съесть половину нежного омлета и выпить чашку крепкого чая с чабрецом — не ради Грачева, а чтобы унять мелкую нервную дрожь в коленях и не упасть в обморок от истощения. Матвей не проронил больше ни слова. Он методично листал графики, правил строительные сметы и отвечал на беззвучные сообщения в планшете, вычеркнув ее присутствие из реальности. Но тяжелая аура его физической мощи висела в воздухе, словно предгрозовый озон.

Едва экономка убрала тарелки, Грачев поднялся из-за стола:

— В двенадцать закрытый селектор с лондонскими инвесторами. Меня не беспокоить. К полудню приведи себя в человеческий вид.

Когда его тяжелые шаги затихли на втором этаже, Кристина поднялась в свою спальню. Белая сорочка босса выполнила свою задачу — довела титана до белого каления и показала, что запугать ее не удастся. Но для разведки требовалась практичность.

Она открыла гардеробную. Никаких платьев и тонких тканей. Кристина выбрала шерстяные графитовые брюки свободного кроя на кулиске, плотный свитер крупной вязки из овечьей шерсти с высоким горлом и теплое кашемировое по-

лупальто цвета верблюжьей шерсти с глубоким капюшоном. На ноги натянула удобные кожаные ботинки на толстой рифленой подошве.

Спустившись в холл, она беспрепятственно толкнула массивную дубовую дверь центрального портала и вышла на широкое гранитное крыльцо.

Поместье встретило ее морозной хвойной свежестью и абсолютной тишиной.

Зимнее солнце стояло в зените, едва пробиваясь сквозь молочную пелену облаков и заставляя искриться пушистый свежий снег на лапах вековых сосен. Воздух здесь был удивительно чистым — густым, напоенным смолой и морозным безмолвием. Резиденция Грачева занимала огромный, не менее пяти гектаров, обособленный полуостров в излучине Москва-реки, со всех сторон отрезанный от мира глухим корабельным бором.

Кристина сошла по гранитным ступеням на расчищенную аллею и неторопливо зашагала в сторону парковой зоны, пряча руки в глубокие карманы пальто. Ее взгляд методично фиксировал каждую деталь.

Она искала уязвимости. Любая частная территория имеет слепые зоны: хозяйственные выезды, старые стыки ограды, скрытые тропы рабочих.

Первые иллюзии развеялись уже через двести метров.

На массивных стволах корабельных сосен через каждые тридцать-сорок метров были аккуратно смонтированы сфе-

рические купола поворотных камер высокого разрешения с инфракрасной подсветкой. Тонкие кабели уходили в бронированные рукава под землю. Чуть ниже, в заснеженных зарослях можжевельника, поблескивали линзы линейных оптико-электронных датчиков пересечения периметра. Грачев оборудовал безопасность по стандартам военного стратегического объекта.

Впереди, на развилке аллеи, послышался глухой хруст настила.

Из-за сосен бесшумно вынырнул пеший патруль: двое мужчин в черном зимнем тактическом камуфляже без знаков различия, в бронежилетах скрытого ношения и с укороченными автоматами на трехточечных ремнях. Старший вел на коротком поводке массивную восточноевропейскую овчарку в кевларовой шлейке.

Пес мгновенно натянул поводок и глухо, утробно зарычал, глядя на девушку налитыми кровью желтыми глазами.

— Тихо, Буран, свои, — негромко скомандовал проводник, коротко дернув ремень. Собака послушно села на снег, но шерсть на загривке осталась вздыбленной, а пасть приоткрылась, обнажая белые клыки.

Охранники окинули Кристину тяжелыми, бесстрастными взглядами профессионалов, для которых любой человек в периметре был либо охраняемым телом, либо потенциальной угрозой, и неторопливо продолжили движение по маршруту.

«Золотая клетка с автоматчиками и псами, — с горечью подумала Кристина, провожая их взглядом. — И это называется гостеприимством».

Она свернула на занесенную снегом боковую тропинку, ведущую к восточной меже участка. Снег здесь доходил до щиколоток, сухие ветви цеплялись за шерсть пальто, но Кристина упрямо пробиралась вперед, пока между деревьями не блеснул металл ограды.

Забор усадьбы представлял собой монументальное сооружение: трехметровые цельные кованые прутья с острыми загнутыми пиками, установленные на высоком гранитном

цоколе. По верху тянулась незаметная струна емкостного охранного кабеля.

В месте, где забор упирался в крутой овраг, виднелась узкая металлическая калитка для садовников. Кристина подошла ближе. На стальной раме чернел массивный электронный замок со считывателем пальца и цифровой клавиатурой.

Сердце Кристины забилося быстрее. Она взялась за ледяную ручку и с силой потянула. Замок не шелохнулся. Из узкого зазора дохнуло сыростью и запахом хвои внешнего мира — там начинался глухой подмосковный лес.

Из неприметной бревенчатой сторожки у оврага вышел третий охранник.

— Госпожа Бестужева, — сухо окликнул он, приближаясь размеренным шагом. Его рука лежала на нагрудной кобуре. — Проход к техническим зонам запрещен. Пожалуйста, вернитесь на освещенные дорожки парка.

Кристина вскинула подбородок, в ней снова вскипела ярость:

— На каком основании?! Я не осужденная преступница, а вы не конвоиры в лагере! Откройте эту калитку, я требую выпустить меня!

Мужчина остался глух к ее словам, его лицо казалось высеченным из камня:

— Мои инструкции предельно ясны. Покидать периметр без личного присутствия господина Грачева строго воспрещено. Сделайте шаг назад от ограждения.

— Да плевать я хотела на ваши инструкции!..

Она хотела дернуть ручку еще раз, но в этот момент тишину зимнего леса разорвал скрип плотного снега под тяжелыми подошвами за ее спиной.

Охранник мгновенно вытянулся по стойке смирно, опустил руки по швам и коротко склонил голову:

— Матвей Андреевич.

Кристина похолодела и резко обернулась.

Матвей стоял всего в трех шагах. Длинное расстегнутое пальто из черной шерсти, темный кашемировый шарф, растрепанные ветром черные волосы. В серых глазах полыхала свинцовая, опасная ярость.

— Свободен, — негромко бросил он охраннику. — Проверь седьмой сектор у реки.

— Есть.

Охранник растворился среди деревьев так быстро, словно его стерли ластиком.

Они остались одни посреди заснеженного глухого бора у высокой кованой решетки.

Матвей не спеша подошел ближе. Его тяжелые шаги отдавались в висках Кристины глухими ударами. Он остановился вплотную, возвышаясь над ней на целую голову. От него пахло холодной шерстью, горьким табаком и концентрированной властью.

— Оцениваешь маршруты эвакуации, Бестужева? — негромко спросил он, оглядывая ее с головы до ног. — При-

кидываешь шансы на побег?

— Я гуляю, Грачев, — с вызовом ответила она, пряча озябшие пальцы в карманы. — Имею я право дышать воздухом в вашей персональной тюрьме? Или для этого тоже нужно письменное разрешение за вашей подписью?

Матвей усмехнулся — коротко, без тени веселья. Он сделал еще полшага, нависая над ней, и опустил тяжелые ладони в черных кожаных перчатках ей на плечи. Его пальцы сжали плотную ткань пальто; он повернул Кристину лицом к ограде и притянул спиной к своей груди.

Кристина дернулась, но его хватка была несокрушима. Он наклонился так близко, что горячее дыхание обожгло мочку ее уха, заставив вздрогнуть всем телом:

— Смотри туда, — тихо произнес он, кивнув на стену леса за решеткой. — Внимательно смотри, Кристина. За этим забором — лес, протоки и запертые дачные участки. Лед у берега еще тонкий. А мороз — минус двенадцать. Ты окочнела бы через полтора километра в своих ботинках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.